

Соломан и Василий Окулович

Во славном во городе во Туисе
У ласкового князя у Владимира
Было пированье-столбванье,
Стол шел полустолом,
Пир шел полупиром,
А Рахлинско царство полужарством.
Собиралось народу сорок царей со царицами,
Сорок королей с королицами,
Туту все было богатыри могучие.
Собирались на думу на великую,
Собирались они, принапивались,
Принапивались, стали пьянёшиньки.
Один молодец по застолу ходит.
Все молодцы да призахвастались.
Умный хвастат да старым отцом, да старой матерью,
Безумным-то хвастат да молодой женой,
Новый хвастат молодой силой,
Новый хвастат своей сметочкой,
Иной хвастат своей храбростью,
А иной хвастат золотой казной.
Один молодец по полу похаживат,
Такую речь да выговариват:
«Все вы, молодцы, поженены,
Белы лебеди замуж повиданы,
Я один, молодец, только холост хожу,
Я холост сижу, да не женат живу,
Нада мне молодая жена,
Чтобы статным-статная да полновозрастна,
Волосой-косой она завесиста,
Чтобы сквозь рубашку тело виделось,
Сквозь тело да кости виделись,
Сквозь кости да мозги виделись,
Из кости в кость да мозг переливаетца,
Скопной жемчуг да пересыпаетца».
Говорит-то Поташенька:

«За тем морем, морем синиим,
У того царя премудрого
Есть жена, право, хорошая,
Она статным-статна́ да полновозрастна,
Волосой, русой косой завесиста».
Говорит-то да добрый молодец:
«Если, — говорит, — того дело,
Можно ли у живого мужа жену отнять?»
Поехал он за синё море торговать к царю Солóману.
Приехали они к царю Солóману —
Царя Солóмана дома не случилось,
Уехал он во чисто́ поле.
Стали звать княгиню на корабль в гости:
«Поедем, княгиня, на корабль в гости к нам».
Она взяла девушку-чернавушку, куфарочку свою.
На корабль пришли да стали вино пить.
Стали посылать эту девушку-чернавушку домой вскорé:
«Никуды́ не ходи, никому не сказывай —
Куплю тебе ленту в пятьсот рублей.
Дешева кажетца — куплю за тысячу».
Она пошла, они отвалили домой.
Солóман-царь пришел домой —
Дома жены не случилось.
Стал поезжать за то море синее.
Говорит отец Солóману-царю:
«Насидишься ты под бабьей <жопой>
Дам я тебе тридцать три богатыря с собой».
Пошел Солóман-царь за женой,
Приехал ко синю́ морю.
Васенька Поповича дома не случилось.
«Гой еси, моя молодá жена,
Пойдем домой да скоро-на́скоро».
Говорит она царю Солóману:
«У вас житьё тяжёлое:
Утря́х встают — долго моются,
Утря́х встают — долго Богу молятца,
А здесь-то житьё лёгкое:
Утря́х станут — рожу не моютца,
Не моютца, Богу не молятца».

Говорит у ней царь Солóман премудрый:

«Гой еси, молодá жена!

Как придет Васенька, куда я девáюся?»

Она распорола перину пуховую.

«Вот, говорит, этто». Сама села. Говорит она:

Уж т'ы гой еси, Васенька Окулович!

Как бы был-то Солóман-царь,

Что ты над ним сделал?» —

«Я бы им отсёк буйну гóлову».

Она развернула перину: «Вот это он будет!»

«Говорит Солóман-царь:

«Уж ты гой еси, Васенька Окулович!

Не казнят царей — да больше вешают,

Делают рели превысóкие,

Вешают три петёлки шелкóвые,

Первá петёлка — шелкóвая,

Вторá петёлка — пенькóвая,

Третья петёлка — липкóвая».

Повели Солóмана-царя премудрого вешать.

Говорит-то Солóман, царь премудрой:

«Уж ты гой еси, Васенька Окулович!

Дай мне поиграть да во тóрий рог,

Во тóрий рог да во первóй након —

Проститьца мне да с гусьмí-лебеди,

Проститьца мне да со белым светом,

Расстатьца мне да с добрыма людьми!»

Вот он играть стал во тóрий рог, плясал. Все смотрят, радуются. Шли, шли, шли. Он опять стал

проситьца:

«Дай мне поиграть во тóрий рог,

Да во вторóй након —

Проститьца мне да с гусьмí-лебеди,

Серы-маленьки утёнышки!»

Стал играть опять. Все в народе скачут, пляшут. Пришли к рельям. Опять стал проситьца:

«Дай мне поигратьца во тѹрий рог
Да во третѣй накѡн!»
Говорит-то Васенька Окулович:
«Что это звучит-громѣт да мать сыра земля?» —
«Летят да гуси-лебеди,
Серы да маленьки утѣныши прощатьца со мной».
Говорит Солѡман, царь премудрой:
«Ой вы гой еси, люди православные!
У кого есть стары́ отцы,
Стары́ отцы да стары́ матери,
Кого растить есть да дети малые,
Подьте скорей домой:
Моя смерть будет страховитая,
Страховитая да боязливая!»
На первой-то стал играть во три разѡ.
Так играл — те хоромы рассыпалися,
Новы́-то хоромы приклонилися.
Тут прилетали гуси-лебеди:
Во-первы́х-то, бежит стар казак да Илья Муромец,
Во-вторых, — Семен да Леховы́тый блад,
Во-третьи́х, бежит Олешенька Попович блад...
(Тут всех по имени не вы́читаешь!)
Пехнули Васеньку во петелку шелкѡвую,
Молодѹ женѹ — в петелку пеньковѹю,
А Поташеньку Хромого — в петѣлку липкѡвую.
Таковы́ слова да говорили им:
«Два милых вместе и сводник тут!»
Вот они тут и стали и всех убили.

(Зап. Митропольской Н. К. и Переваловой Е. И.: авг. 1942 г., д. Верхнее Бугаево Усть-Цилемского р-на — от Шишоловой Авдотьи Андреевны, 79 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 2: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.